

Вени мин
Олегович
Андреев

ЕВРЕЙСКИЙ БЛОК сНОТИК

Стихи
Буфф-Мистерия
Картины Израила Гершбурга

Калининград, 21 век

Вениамин Олегович Андреев

Еврейский блок с нотик

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63409413

Еврейский блок с нотик. Стихи: Издательство ИТРК; Москва; 2020

ISBN 978-5-88010-685-1

Аннотация

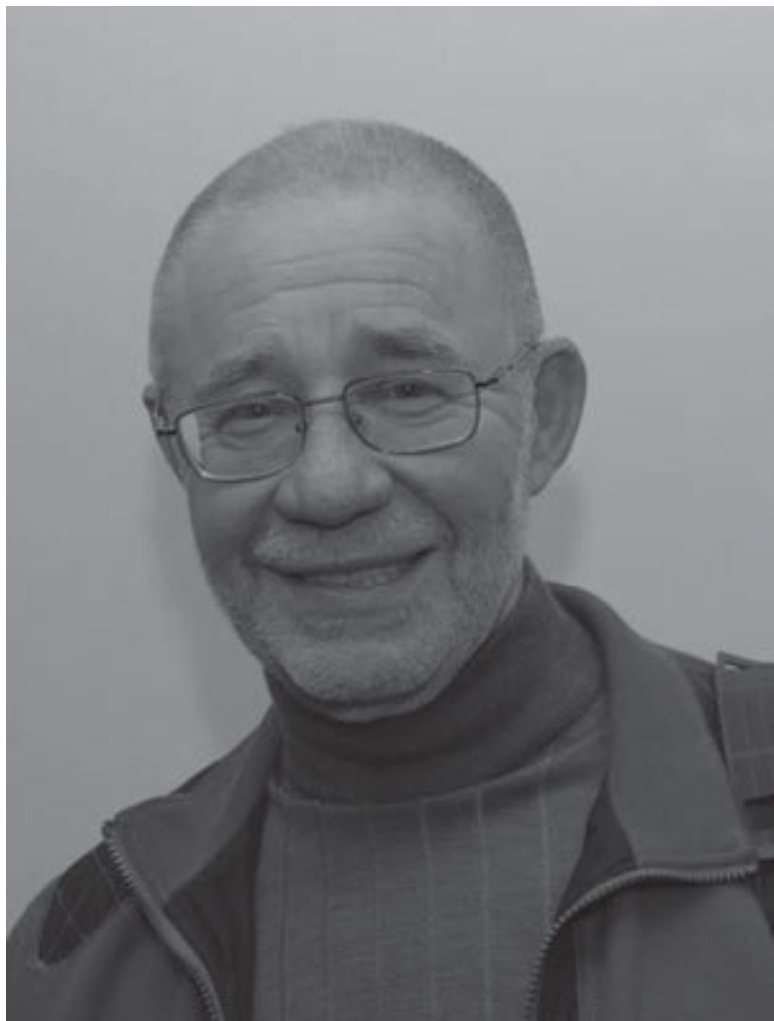
Нацепили мы десанта гарнитуру,
Нас закинули под утро в самолёт.
Наши Илы – самолёты десантуры —
По приказу отправляются в полёт.
Люк открыт и парашюты над планетой,
В точном месте, против вражеских полков.
Десантура – это гордые береты
Из нависших над бедою облаков.
Мы мотали на троих наш срок десантский,
На рязанский плац нас служба призвала,
И Донецкого Миколу, а я Калининградский,
Третий – пом. ком. взвода,
третьей роты, Беня из Орла.

Содержание

Русско-еврейские страницы	7
Родословная	7
Шабат Шалом	9
Белый Шпылар	14
Еврейская скрипка	17
Поэту Сэму Симкину	20
Евреи российской культуры	21
Право славная кадриль	23
Обрезание	27
Четверостишья на двоих	28
Кто за то ответит?	30
Цикл сочинений, ОБ и ДЛЯ олигархов ими не оплаченный	32
Мой друг Полоний	32
Тега, тега...	33
Гоголь-моголь	35
Яйца Фаберже	37
Мишаня, Миша	40
Еврейские песни	44
А ты на Хайфе, а мы без кайфа	46
Азохенвейн	49
Селёdochка «Иваси»	53
Пом. ком. взвода Беня из Орла	55

Прощай, Россия-матушка	58
Молчит Россия	60
Серёжки берёз	61
Числюсь Алиёй	62
Трамвай Москва – Тель-Авив	64
И мажор, и минор в фа диез	66
Еврейская пластиночка	67
Аллилуйя, если строчки пробуждают	69
Еврейско-русские страницы	71
Береги свои Обереги	71
Родные голоса	73
Я гуляю по памяти	74
Моё одиночество	76
Не готов я пока	77
Европейских побед гусяры	78
Не обо мне, казачьи песни	79
Под уздцы вести своих коней	79
Городские сумашедшие	80
Донецкий распев. Полюбила москаля	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Вениамин
Олегович Андреев
Еврейский блок с нотик.
Стихи, Буфф-Мистерия,
картины Изи Гершбурга**

Русско-еврейские страницы

Родословная

Свет луны подобрался к окну,
Занавески в окошках колышутся,
Мамин голос не манит ко сну,
И рассказы семейные слышатся.
Как прошли мировую войну,
Про родню, Леонида Андреева,
Кем приходимся мы Шеншину
По орловскому генному дереву.
Про отца, про губернский архив,
Про ответы Орловского Загса,
У которого вечен мотив:
«Документы сожгли! Нет и фактов!»
На приокском родном берегу
Жили все, но как будто условно,
Я до трёх просчитать не смогу
Поколений моей родословной.
Под холодным мерцаньем луны
Мама спит. Но приходит бессонница,
Вместе с ней ощущение стены
Между мною и прошлого звонницы.

Путь далёк от Орла в Тель-Авив,
Но от нашего генного дерева
Там родился мой внук, Даниил,
Он – родня Леонида Андреева.

Шабат Шалом

*«Не зажигай огня во всех жилищах ваших в день
Шабата»
(Тора)*

«Не зажигай огня
во всех жилищах ваших в день Шабата».
Не зажигай огня, прошу, не зажигай,
При свете меноры субботний час заката
Соединил твой дом и твой Израиль.
Шабат шалом, еврейский дом,
С заходом солнышка горят, мерцая, свечи.
Иерушалаим, Шабат шалом,
Лехайм, народ родной,
в субботний добрый вечер.

«Не зажигай огня
во всех жилищах ваших в день Шабата».
Не торопи судьбу, прошу, не торопи,
При свете меноры, по струнам пиццикато,
Наш старенький шпылар сыграет – потерпи.
Шабат шалом, еврейский дом,
С заходом солнышка горят, мерцая, свечи.
Иерушалаим, Шабат шалом,
Лехайм, народ родной,

в субботний добрый вечер.

«Не зажигай огня

во всех жилищах ваших в день Шабата».

Не оставляй мечту, похожую на сон,

При свете меноры и стрелки циферблата

Поторопят тебя вернуться на Сион.

Шабат шалом, еврейский дом,

С заходом солнышка горят, мерцая, свечи.

Ирушалаим, Шабат шалом,

Лехайм, народ родной,

в субботний добрый вечер.

Семья

Автор книги выражает сердечную благодарность семье ка-
лининградского художника Израила Матвеевича Гершбурга
за предоставление в печать его картин.

Автопортрет

В автобусе

Белый Шпылар

Трагедии Бабьего Яра...

В нашем местечке, может в другом,
Всех не упомнишь, дело не в том.
В музыке скрипки, той что жива,
Вспомнят забытые идиш слова.
Шпылар играет, скрипка поёт,
Свадьбу справляет идиш народ,
Шпылар, шпылар, и у виска
Радости слёзы, свадьбы аркан.
Он на смычок положил канифоль,
Песню играет, идише боль,
Скрипочка, скрипка, скрипка, не плачь,
Прячет в улыбку слёзы скрипач.
Шпылар, шпылар идиша дар,
Таки не молод, таки не стар.
В чёрной жилетке белый шпылар
Утром положит скрипку в футляр.
Шпылар, шпылар, жизнь не легка,
Память местечка сердцу близка.
Скрипка с кларнетом, идиш слова,
Песня местечка осталась жива.
Шпилен, шпилен, в сердце пожар,

Все из местечек вспомнит шпылар,
Как на еврейский скорбный бульвар
Шли, чтобы вечно жить, в Бабий Яр.

Шли, чтобы вечно... Скрипка, поплачь,
Ты – очищение, ты не палач.
Скрипочка, скрипка, вместе со мной,
Хаву Нагилу, скрипочка, спой.
Свадьбу играют, скрипка, не плачь,
Шпилен с улыбкой мудрый скрипач.
Только под утро скрипку в футляр
Трезво положит пьяный шпылар.

Иерусалим

Еврейская скрипка

Шла война... Всё казалось ошибкой...
По пожарам дорог фронтовых
Шёл солдат, как солдат. Только скрипка
Отличала его от других.
Он со скрипкой бросался в атаку,
На привалах, дымя табачком,
На броне, как шаман иль оракул,
Трогал струны заветным смычком.
Но бывало среди артобстрела
Скрипке вторил и брат-автомат,
Добавляли свои децибелы
Свист снарядов, разрывы гранат.
Укрывал он шинелькою скрипку
И на ночь клал в окоп, в самый низ,
Чтоб на утро, быть может не шибко,
Но сыграть Паганини «Каприз».
Для солдат, для друзей, тех кто рядом,
Чтоб забылась вся эта беда...
Мины свист, шквал огня, взрыв снаряда —
И смычок улетел в никуда...
А солдата нашли после боя —
Он на бруствере сверху лежал,
Холодеющей левой рукою

Он еврейскую скрипку держал.
Ветерок, нежно трогая струны:
«Моисей! Надо встать, надо жить!».
Но светили холодные луны,
Не пытаясь его воскресить.
Хоронили его на пригорке,
Дождь апрельский могилу кропил,
А сержант со своей гимнастёрки
«За отвагу» медаль прикрепил.

Ну а в мае, в году сорок пятом,
В год Победы святой, неземной
С похоронкой армейской солдата
Скрипка с фронта вернулась домой.
И сынишка солдата с улыбкой
Тронул струны – от звуков притих...
Это папы еврейская скрипка
Завещала играть для других.

У Стены Плача

Поэту Сэму Симкину

В час прощальный утри свои слёзы —

Так устроена жизнь. Не дыша,

Сторожит тёмно-красные розы

Отлетевшая к Богу душа.

Там она начинает светиться

Сквозь небесный, терновый венец,

Как звезда. И печали, и лица,

И страданья уйдут, наконец.

Ну, а розы – горящие свечи,

Знак печали, судьбы роковой

Будут с нами. С душою на встрече

В день прощания сороковой,

Оживут твои строчки по новой,

Озаренные ликом свечей.

Но «Воскресни!» священное слово

Лишь для Господа! Не для людей...

Евреи российской культуры

Изгой веков,
Веры, стран, городов,
Изгой прошедших столетий,
Изгой симфоний и книжных томов,
Евреев рождённые дети.
Изгой амвонов,
Святых алтарей,
Изгой печальных покоев,
Изгой томов и страниц словарей,
И кафедр научных изгой.
Изгой редакций,
Журнальных анкет,
И телепрограмм конъюнктуры.
Госакциям премий – крутой турникет
Евреям российской культуры.
Изгой народов,
И рас, и племён.
Евреи – дыхание, движение.
Хотя вы изгой, я вами пленён,
Вы – русских веков продолжение.

Три религии

Право славная кадриль

Глава из «поИмённого» представления

Право слово, право слово,
Право батюшка сказал,
Начинаем всё по новой,
Переходим в новый зал.
Левой, левой! Правой, правой!
Только с левою ходи,
Хоть стоит правофланговый
На пути твоей груди.

Право славная держава,
Право, матушка моя,
Слово влево, слово вправо,
Право славная семья.
Право славная Россия —
Делать что? Кто виноват?
Левых, правых замесили,
Замесили в аккурат.

Право славные обряды,
Право с Запада штаны,
Доставай с шкафов наряды

Всероссийской старины.
Право век Екатерины,
Право времечко Петра,
Право права всех банкиров,
Праву прав: «Виват! Ура!»
Право правы декабристы,
Право прав менталитет,
Право правы все артисты,
И, конечно, прав балет.
Право права командиров,
Право слов спокон веков,
В кабинетах и сортирах,
Право права дураков.

Право мысли, право слова,
Право музыки всегда,
Право шуток острослова,
Право писать хоть куда,
Право университетов,
Право власти и суда,
Право суверенитетов —
Это вам не ерунда.

Право славная обитель,
Право славные суды,
Право прав осведомитель

Нашей жизни ерунды.
Право славная реклама,
Право славные ЦТ,
Право папы, право мамы
Влево сделать фуэте.

Право славных журналистов,
Право прочих россиян,
Право сборной футболистов,
И евреев, и армян.
Право слово, право слово,
Право, батюшка, изволь,
Это слово, что обнова,
Что вдоль борта карамболь.

Право славная держава,
Право славные слова,
Право слова, слова права,
Право славная Москва.
Даже в скипетрах державы,
Посмотреть со стороны,
Смотрят влево, смотрят вправо
Двухголовые орлы.

Алте Захен (Старые вещи)

Обрезание

Весь мир театр, в театрах все евреи.
Так уж устроено у Бога мироздание,
И, взяв однажды бритву брадобрея,
Придумали евреи обрезание.

«Еврейской земли и российской культуры»

Игорь Губерман

Страницы книг еврейского романа
Все цензоры не в силах побороть,
Хоть в «Гариках», известных, Губермана
Видна его обрезанная плоть.
Просторны, широки России земли,
Есть разные наречья и натура,
Но почему все люди мира внемлют
Явлению «еврейская культура»?
Египетской, папирусной закладкой
Пометил я страничку Губермана,
Чтоб разобраться-таки в жизни сладкой
Всемирного еврейского романа.

Четверостишья на двоих

*«Гарикам» Губермана – «Веники» Андреева
Все авторские начислять Игорю.*

(Гарик про Паоло Коэльо)

«К бумаге страстью занедужив...»

(Веник про Губерманьо)

К коротким строчкам занедужив,
Был Губерман мужик ледащий.
Пахал, скородил, сеял глубже,
От счастья писал чаем чаще.

«Я охладел к научным книжкам...»

Нет, просто он учёных не любил,
Душевный с ними не прошёл роман,
С учёными не пил и не шутил
Король четверостиший, Губерман.

«Как пахнут лучшие сыры...»

Совсем не пахнет Губерман,
Спроси Одессу иль Европу,
Но его строчек караван

Плывёт не от реки – от попы!

«Ловил я кайф, легко играя...»

За кайф в стихах придёт награда,
Что в жизни часто выпадала,
100 грамм тебе в воротах ада
И острый бутербродик с салом.

«Запретны шутки ниже паха...»

Все шутки Губермана ниже паха,
Их цензоры не могут побороть.
А он бежал в Израиль не от страха,
Там по душе его обрезанная плоть.

Кто за то ответит?

Тем, кто нынче алия
И кого здесь нету,
Не смогу я передать
Слов моих приветы.
Кто хозяин, кто лакей,
В этой нашей жизни?
У кого нет козырей
В дорогой Отчизне.
И скажу без дураков —
В зарубежных банках
Акций нет и нет счетов —
Бледная поганка.
Вот и я, что алия,
Вспоминай Плутарха —
Коли мало «мания»,
Нету олигарха.
За какие же грехи,
Что ни те, ни эти
Не прочтут мои стихи,
Кто за то ответит?..

Освящение Луны (Кидуш Левана)

Цикл сочинений, ОБ и ДЛЯ олигархов ими не оплаченный

Мой друг Полоний

Борису Березовскому

Ну что тебе сказать, мой друг Полоний,
Ты у Шекспира обер-камергер
И точно ты не слышал про плутоний,
Тем более не знал СССР.

А мне смешны Шекспировские страсти,
Не трогают ни Гамлет и ни Лир,
В эпоху перемен колена власти
Писали так, как не писал Шекспир.

Моей ноги в дубовых кабинетах
Любая дверь ждала день от дня,
От Бори – Боря всем давал советы
И в ОРТ лишь слушали меня.

Твой Гамлет не решил на самом деле
Вопрос вопросов: «Быть или не быть?»
И я не мог сказать: «Не так вы сели!»,
Когда меня могли бы посадить.
Ты знаешь, друг Полоний, власти стили

Меняют в годы президентов смен.
Ты вспомни, как царевича убили,
А Дима жил в эпоху перемен.
Могу понять Бориса Годунова,
С приемником не мог он рядом жить,
Ну, а зачем царевича живого
Зарезал, когда можно отравить.
Ну, а ещё скажу, мой друг Полоний,
Конечно, мы с тобою молодца —
Шекспир налил в то ухо не плутоний,
Но отравить смог Гамлета отца.
Сегодня всё не просто в Альбионе,
Вот Литвиненко плакала семья.
Живым был Бадри, когда был в законе,
Кто будет третьим, может быть и я.
Льют на меня помоями зловоний,
Но я отмоюсь, вывод мой простой,
Я не дружок твой, слышишь, друг Полоний,
Дружок твой, ты запомни, Луговой.

Тега, тега...

Вове Гусинскому

Ой, вы, гуси, гуси, мои гуси,
Взмахи крыльев, красные носы.

И глаза, как звёздочки из бусин,
В небе у нейтральной полосы.
Тега, тега, белы гуси, тега,
Вы вольны миры соединить,
А моя хасидская телега
До границы может лишь катить.
Ой, летят, летят в Россию гуси
От горячих мраморных морей.
Крылья ваши – сказочные гусли
Донесут до снежных лагерей.
Ой, вы, гуси, гуси, мои гуси,
Красные не прячете носы,
Полететь бы с вами и не трусить.
У застав российской полосы.
Тега, тега, вас не ожидает,
На границах униженья боль,
Потому что все, кто пролетают,
Не проходят паспортный контроль.
Гуси, мои гуси, гуси белы,
Красные шершавые носы,
Дни бегут и я уж постарелый
От еврейской утренней росы.
Тега, тега, гуси, мне бы крылья,
С вами полетел, но есть вопрос —
Как вписаться в вашу эскадрилью
И расправить горбоносый нос?

Ой, вы, гуси, я же ваш – Гусинский,
Дайте крылья мне, я всё стерплю,
Хоть и не по-русски, по-раввински,
Но я тоже родину люблю.
Тега, тега, с тонкой хворостинкой
Вас гонял по травке-мураве
Возле речки Вовочка Гусинский,
А теперь вы скрылись в синеве.
А пока в разборках суть да дело,
В небо над Израилем кричу:
«Тега, тега, тега, гуси белы,
Ну, когда я с вами полечу?»

Гоголь-моголь

Роме Абрамовичу

Ой, надевай кипу свою, жилетку,
Бери смычок и скрипку для музон,
Споём для вас про Рому Абрамович,
Не говоря про Сару Шниткельсон.
В день воскресенья, кто не умер-шмумер,
Таки кого раздели до кальсон,
Распахивает двери Абрамович,
Где в пеньюаре Сара Шниткельсон.
Ой, разливай по блюдам гоголь-моголь,

Таки в Шабат работать не резон,
Семью в субботу любит Абрамович,
А всю неделю Сару Шниткельсон.
Расчешет чубчик свой и пейсы-шмейсы,
Плеснёт за воротник одеколон,
И в понедельник Рома Абрамович
Спешит, конечно, к Саре Шниткельсон.
Шалом во вторник нашим шуткам-шмуткам,
Все любят, понимают наш жаргон,
И сколько под подушкой Абрамович
Оставил ночью Саре Шниткельсон.
И в среду продолжались взятки-****ки,
Как поглядеть, таки со всех сторон,
Купил семье цыпляток Абрамович
И курочку для Сары Шниткельсон.

В четверг пора оставить кайфы-хайфы,
Жизнь не «Семь сорок» и не Вальс-бостон,
Заначку посчитает Абрамович,
Пересчитает Сара Шниткельсон.
А в пятницу, ой боже, нервы-шмервы,
Дел до Шабата цельный миллион,
Но забежит наш Рома Абрамович
Хоть на минутку к Саре Шниткельсон.
Мы спели вам про всю неделю-шмелю,
И вставили кому куда пистон,

Но по субботам Рома Абрамович
Не прикасался к Саре Шниткельсон.
Ой, разливай по блюдам гоголь-моголь,
Таки в Шабат работать не резон,
Семью в субботу любит Абрамович,
А всю неделю Сару Шниткельсон.
Пришёл Шабат, с заходом солнца-шмонца,
Сынишка слышит папы баритон,
Как мучается он, читая Тору,
Без доченьки от Сары Шниткельсон.
Ну, хватит-таки петь про челси-шмелси,
Здесь не Чукотка и не стадион,
Всё состоянье папа Абрамович
Отпишет сыну и дочурке Шниткельсон!

Яйца Фаберже

Вите Вексельбергу, Мише Швыдкому

Вы слышали уже
Про яйца Фаберже,
Как эта новость весь Нью-Йорк повергла?
Кипит страстями он,
Закрыт аукцион,
Но только не для Вити Вексельберга.
И говорят уже,

За яйца Фаберже
Он отвалил здесь сотню миллионов
И доказал, что есть
Патриотизм и честь,
Что Кристи выше всех аукционов.
Ни на Кристи, ни на Сотби
Не увидите уже
Эти сказочные яйца
Для царей от Фаберже.
Сколько могут они стоять
При таких вот куражах,
Там на Кристи или Сотби,
И в других зарубежах?

Построили ОМОН,
Чтоб не случился шмон,
И яйца не помяли, не украли —
Стоять настороже,
Ведь яйца Фаберже
Хотят увидеть наши Тани, Мани.
Из дальнего села,
Из Брянска и Орла
И даже из бывшего Кёнигсберга
Приедут и замрут
На несколько минут,
Когда увидят яйца Вексельберга.

Ни на Кристи, ни на Сотби
Не увидите уже
Эти сказочные яйца
Для царей от Фаберже.
Мин. культуры ищет срочно
Песню типа Беранже,
Чтоб достойно встретить яйца
Вексельберга – Фаберже.
С такой белибердой
Страдает сам Швыдкой:
«За Фаберже опять мин. культ. сражайся?
Что доложу Кремлю —
Я Питер не люблю?
А где В.В. увидит Вити яйца?»

На нужном этаже,
Под песню Беранже,
Таки Швыдкого Мишу вы поймите,
Покажут В.В.П.
Те яйца, а толпе —
Лишь муляжи от Карла и от Вити.
Ни на Кристи, ни на Сотби
Не увидите уже,
Эти сказочные яйца
Для царей от Фаберже...
Но за тысячу юаней

На восточном рубеже
Вам китайцы свои яйца
Продадут за Фаберже.

Мишаня, Миша

Мише Ходорковскому

Сидели в камере в одной мы с Ходорковским,
На нашу шконку там кемарить залезал.
И был не питерский он фраер, не московский,
Всё понимал, за что тюремный срок мотал.
А мог сбежать, конечно, Миша до ареста,
Ведь разговорчик с Ходорковским был крутой,
Что в фирмах Юкоса кончается фиеста,
И у него всё может кончиться тюрьмой.
Ой, Миша, Мишка, золотой ты наш парниша,
Хотя в команде президентской не служил,
Ты мог, Мишаня, замутить с ментовской крышей,
Ведь ты же с Вовой до этапов корешил.

Средь пацанов ништяк был Миша, не пижончик,
В авторитете в комсомольские года,
Там наварил он ни один свой миллиончик,
Но на бюро его не дёрнули тогда.
Не гарцевал и не кутил по Куршавелям,

А банковал и строил вышки там и тут,
Конечно, знал, что прокурорские шинели,
Ему за вышки точно «вышку» не дадут.

Ой, Миша, Мишка, золотой ты наш парниша,
Хотя в команде президентской не служил,
Ты мог, Мишаня, замутить с ментовской крышей,
Ведь ты же с Вовой до этапов корешил.

И ни одна в России ксива или справка,
Не предвещали, что отмерено судьбой.
На всех дорогах, на твоих бензозаправках,
Из пистолетиков бензинчик тёк рекой.
В российских банках,
банках кипрских и швейцарских,
Гнал на счета капусту Юкоса король.
Любой банкир скользил, как будто на пуантах,
Ему давая ключ, ячейку и пароль.

Ой, Миша, Мишка, золотой ты наш парниша,
Хотя в команде президентской не служил,
Ты мог, Мишаня, замутить с ментовской крышей,
Ведь ты же с Вовой до этапов корешил.

Хоть не один, наверно, Миша миллиончик
Клал в государственный немерянный общак,
Но, скажем, понтом – Ходорковский

не Япончик

И как оратор, понимаешь, не Собчак.

Не прикрепил он депутатские лампасы,
Команду Челси не купил и остров свой.

Его вождём избрали там бы папуасы,
А он в политике нарвался на конвой.

Ой, Миша, Мишка, золотой ты наш парниша,
Хотя в команде президентской не служил,
Ты мог, Мишаня, замутить с ментовской крышей,
Ведь ты же с Вовой до этапов корешил.

Страной сегодня, по понятиям, правит Вова,
С огромной свитой псарей и звонарей,
А ты в малявах, по закону, пишешь снова,
Что Михайлы-то не редкость среди царей.
И Миша верит, что он станет президентом,
Ведь всех обиженных так любят на Руси,
Но до того, вообще, возможного момента
Парашу в камере всем надо выносить.

Израильтянин

Еврейские песни

Из дальних местечек,
Из тесных квартир,
Еврейской культуры обитель,
Еврейские песни
Прошли через мир
На идише и на иврите.
Хоть ветры им гнали
Навстречу войска,
Играли еврейские скрипки,
А «Тум балалайка»
Была комполка —
В еврейских мотивах улыбки.
Хоть шпылар кипу
Или шляпу надел,
На пляже напялил панаму,
Но слушает мир,
Коли шпылар запел
Про идише добрую маму.
Шалом и шалом,
Тем, со скрипкой в руке,
Кто песни еврейские знают!
Давида звезда
Не сорвётся в пике,

Раз музыку идиш играют.

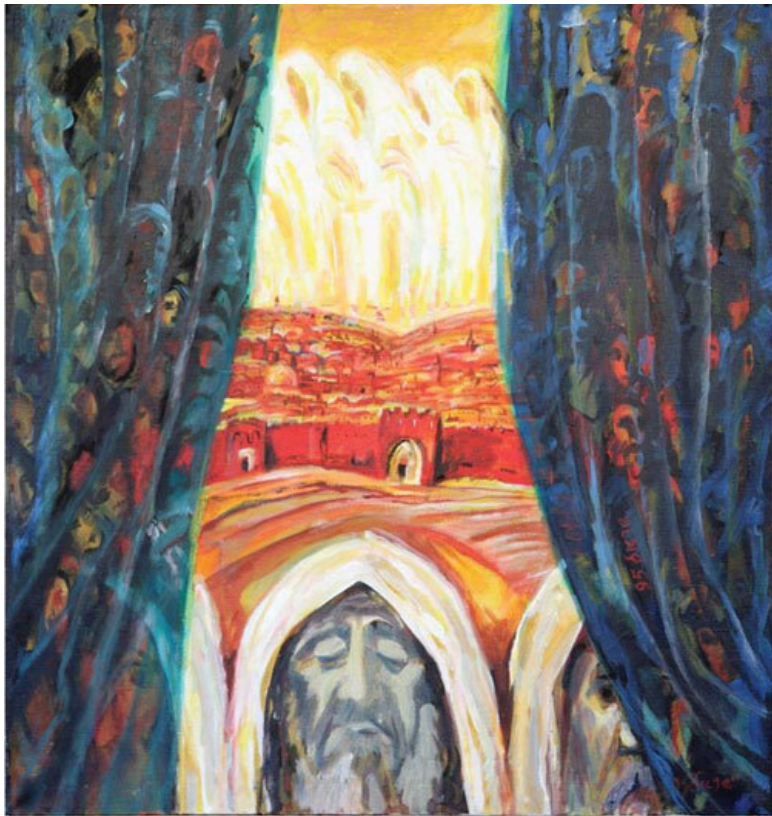
А ты на Хайфе, а мы без кайфа

С материка на Магадан
Идёт этапом караван,
Скорее бы на нары на ночлег.
Бредём по снегу и по льду,
Колонной, четверо в ряду,
Шаг влево, вправо —
Вышка за побег.

С материка на Магадан этап немерянный,
Куда не глянь, вокруг снега и ветер северный.
А ты на Хайфе, на пляжу, в бикини с маечкой,
А мы без кайфа, по снежку, в сырых фуфаечках...
С материка на Магадан идёт этапом караван,
Всё вспоминаю, как у нас всё началось.
Как я с тобой гулял и пил,
Как шестисотый прикупил,
Как на Майями нам по месяцу жилось.

С материка на Магадан
Идёт этапом караван,
Вдруг поскользнулся я,
Упал на скользкий лёд,
И тут я понял все дела,
Меня, в натуре, предала,
Ведь ты с ментами

Шухарила наперёд.
С материка на Магадан
Наш караван ведёт пахан,
Ведёт этапом
Нашу каторжную Русь.
Шагаем мы в кичман с братвой
Под Магаданскою звездой.
Знай, отмотаю срок,
С тобою разберусь.
С материка на Магадан этап немерянный,
Куда не глянь, вокруг снега и ветер северный.
А ты на Хайфе, на пляжу, в бикини с маечкой,
А мы без кайфа, по снежку, в сырых фуфаечках.

Страна заветов

Азохенвейн

Я расскажу тебе про маму с папой.
Из дома выходя, свою кипу
Запрячет папа и наденет шляпу.
Азохенвейн! На русскую толпу.
Азохенвейн! Хочу спросить я папу,
Зачем везде он в шляпе,
А дома носит только лишь кипу?

Помчался папа в шляпе, побыстрее,
А весь перрон забили поутру,
По носу и по маме все евреи,
Азохенвейн! И скоро поезд сделает: «Ту-ту!»
Азохенвейн! Ой, мамочка, ой мама!
Спрошу тебя я прямо,
Ты что в карманчик клала на лету?

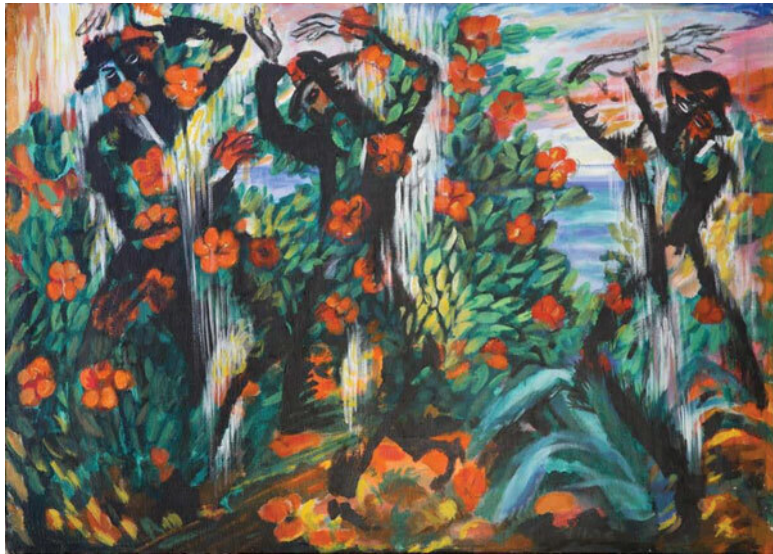
В вагончик с чемоданчиком быстрее,
В семь сорок провожают поезда.
Наш папа среди кучи ротозеев,
Азохенвейн! Забрался как всегда.
Азохенвейн! У папы чемоданчик,
С ним ехал на вокзальчик,
Тяжёленьким он был, ну прям беда.

На полку положил наш папа шляпу,
Потом штаны стал вешать на крючок,
А сбоку, где обрезано у папы,
Азохенвейн! Подрезан кошелёк.
Азохенвейн!

А в кошельке наш папа,
Обрезанный растяпа,
Нашёл лишь только медный пяточок.

Домой поплёлся наш любимый папа
И дома разговорчик с мамой был.
Надев кипу, вдруг вспомнил, что и шляпу,
Азохенвейн! В вагончике забыл.
Азохенвейн!

Один вопросик папе —
Тот был в кипе иль в шляпе,
Кто в кошельке тот пяточок забыл?

Танцующие хасиды

Святая земля

Селёdochка «Иваси»

С вечерних гор спускается туман,
И фонари зажжёт Иерусалим.
Пойдём в кабаk, в наш русский ресторан,
Пойдём и по душам поговорим.
Скажу тебе, мой друг, свои слова,
Пока мы здесь, кабаk наш дом родной.
За жизнь! Она чертовски неправа,
Но за неё давай, брат, по одной.
Половой, родной, графин водочки
Ты холодненькой неси,
С черным хлебушком, да с картошечкой,
Да с селёdochкой «Иваси».
Эй, музыкант, давай-ка «Попурри»,
Давай махнём с тобою по сто грамм,
И «Барыню» для нас ты повтори,
Ну, а «Семь сорок» сбациаешь ты сам.
Для нас кабаk – обетованный рай,
И ты поймёшь, поймёшь меня, дружок,
Мы сдвинули стаканы: «Ну! Лехаим!»,
А поутру нальём на «Посошок».
И ещё по сто русской водочки
Ты холодненькой неси,
С черным хлебушком, да с картошечкой,

Да с селедочкой «Иваси».

Пом. ком. взвода Беня из Орла

Нацепили мы десанта гарнитуру,
Нас закинули под утро в самолёт.
Наши Илы – самолёты десантуры —
По приказу отправляются в полёт.
Люк открыт и парашюты над планетой,
В точном месте, против вражеских полков.
Десантура – это гордые береты
Из нависших над бедою облаков.
Мы мотали на троих наш срок десантский,
На рязанский плац нас служба призвала,
И Донецкого Миколу, а я Калининградский,
Третий – пом. ком. взвода,
третьей роты, Беня из Орла.

Мы десантники – особая натура,
Нам в отставке, после дембеля – тоска.
На гражданке остаёмся десантурой,
Все приписаны в десантные войска,
Где на стропах парашютов эшелоны
Для тельняшек и беретов голубых.
Не погаснут наши свечи пред иконой
За один тот белый купол на троих...
Мы мотали на троих наш срок десантский,

На рязанский плац нас служба призвала,
И Донецкого Миколу, а я Калининградский,

Третий – пом. ком. взвода,
третьей роты, Беня из Орла.

В День Победы, с гордым маршем по брусчатке,
Нет нам равных ни в параде, ни в бою.
Все в беретах набекрень, пройдут ребятки,
Ну и нам с тобой, Микола, быть в строю.
Помнишь, пели мы «Варяга» перед боем,
Шаг печатая, десанту нет цены.
За Донбасс мы спеть «Варяг» должны все трое,
Третьей роты, десантуры пацаны!
Мы мотали на троих наш срок десантский,
На рязанский плац нас служба призвала,
И Донецкого Миколу, а я Калининградский,
Третий – пом. ком. взвода,
третьей роты, Беня из Орла.

Вениамин Андреев... Солдат запаса,
второй категории, годен к нестроевой,
с исключением с учёта.

Памяти товарища

Прощай, Россия-матушка

Паши Волкову

Прощай, Россия-матушка,
Заступница моя.

Мне уезжать не хочется
В заморские края.

Не хочется, не хочется,
Но всё же соберусь.

Прощай, Россия-матушка,
Прощай, Россия-Русь.

Не плачь, моя любимая,
Родимая моя.

Ты самая красивая,
Ранимая земля.

Ты самая, ты самая,
Но всё же соберусь,
Прощай, Россия-матушка,
Прощай, Россия-Русь.

Прощай, моё спасение,
Спаси меня, спаси,
На берегах Америки,
От берегов Руси.

Два берега, два берега,
Но всё же соберусь.
Прощай, Россия-матушка,
Прощай, Россия-Русь.

Прощай, моё мучение,
Моя больная Русь.
Быть может и в сомнении,
Но я ещё вернусь,
В сомнении, в сомнении,
Но всё же соберусь.
Прощай, Россия-матушка,
Прощай, Россия-Русь

Молчит Россия

«Привет, Россия, родина моя...»

Николай Рубцов

В далёкий край, где южные моря,
Холодным, снежным утром улетаю.
Меня туда никто не провожает,
И ты молчишь, о Родина моя.

В моей душе мелодия ручья,
Родной мотив, что помню изначальный,
А под крылом, навстречу клин
печальный,
Прощай, Россия, родина моя.

Прости меня, что улетаю я.
Любовь и кровь. Как разорвать основу?
Хочу сказать, Бог даст вернуться снова,
Привет, Россия, родина моя.

Лечу в края, где южные моря,
И всё былое кажется иначе,
Я положу записку в стену плача:
«Шалом, Россия – Родина моя!..»

Серёжки берёз

Возле Мёртвого моря, где жёлтые розы,
Клин степных журавлей мне курлычет вопрос —
Разве можно сравнить эти розы-мимозы,
И серёжки орловских весенних берёз.
Километры судьбы от Полесья до Хайфы
Растянулись рекой. Хоть я пьян, хоть тверёз,
Но гортанный иврит не приносит мне кайфа,
Как трава-мурава, сок берёзовых слёз.

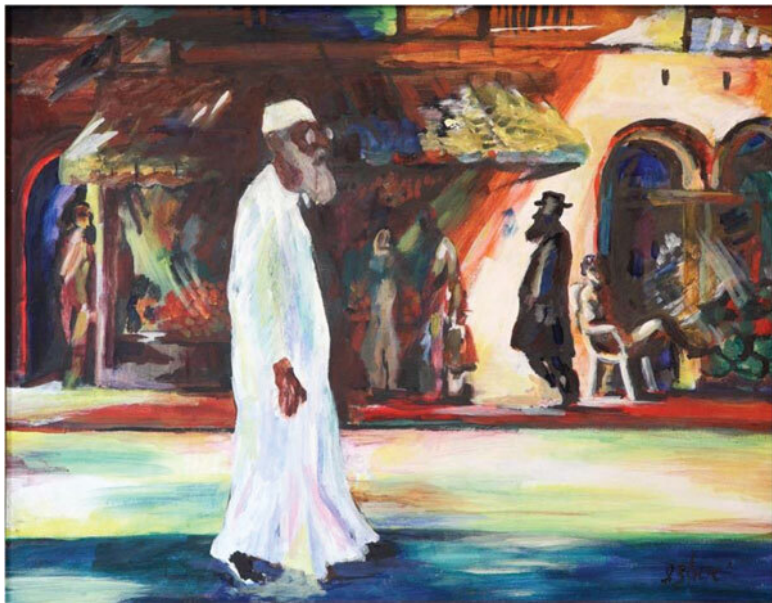
Дует знойный самум, нераскрыты бутоны,
А шипы в карауле, все иголки – штыки.
Там серёжки, качаясь, охраняли перроны,
Часовыми стояли берёзок полки.
Клин летит журавлей, моё сердце на части
Разделить не смогу здесь у моря и звёзд.
Будто грёзы, морозы вспоминаются часто,
И орловская даль, где серёжки берёз.

Может горькая соль, возле Мёртвого моря,
От дрожащих ресниц, многоточия слёз.
Мои розы, берёзы друг с другом не спорят,
Друг, в чехле от гитары, мне серёжки привёз.

Числюсь Алиёй

Я не поэт, не чистокровный русский,
В поэзии, могу себя распясть,
Но я кропаю рифмы без нагрузки,
Без тонкостей славянских слов, от «а» до «ять».
Я не еврей, чтобы владеть стихами,
Среди поэтов числюсь алиёй,
А просыпаюсь утром с петухами —
Ночные строчки уползут змеёй.
Уйдут виденья, образы и строчки,
Хотя ушли, быть может, погулять,
Как их вернуть, без всякой заморочки,
Как вспомнить днём и всё не растерять?
Не растерять видений и сомнений,
Ожившие дымы костров в ночи,
Не усмирять проказу сновидений,
Которую не вылечат врачи.
Как сделать так, чтоб день равнялся ночи,
Для небанальных ритмов и стихов?
Прошедший день пусть строчек многоточье
Бросает на заре в ночной покров.
Где ночью строчки жили и творили,
В них рифма сладкозвучная лилась,
И девушки стихи мои любили,

Звучала песня... Днём оборвалась...

Улица в Яффо

Трамвай Москва – Тель-Авив

Сколько было исходов на рассвете (закате) веков,
Мы потеряли дорогу, где братья евреи нас ждут,
Где на камнях вырастают сады, города,
И алию хоть зовут, но не ждут никогда.
Я, алия, не заплачу у плача стены,
Молча, без слёз, я записку в стену положу,
В сердце моём не слышны отголоски
от веры струны,
Пусть полежит, как другие,
что сбудется, сам погляжу.
Еврейские проблемы, еврейские дела,
Зачем, скажи мне мама, такого родила?
Не верю я в евреев, зачем иудаизм?
Сходить что ль в синагогу? А где мой пофигизм?
В московских ресторанах на тромбоне,
Уже десятки лет сегодня разменяв,
Звезда эстрады на российском небосклоне,
Ведь мама русская здесь родила меня.
Пройду бульварами, попрощаюсь я с Москвой,
Люблю знакомые еврейские места,
Где накрывала и еврейскою тоскою,
И напоила русских духом, красота.
Прокатиться бы мне в ваши Палестины,

Где еврейская вселенная – Израиль.
Но не помню я, не вижу я картины,
Чтоб до Тель-Авива из Москвы катил трамвай.

И мажор, и минор в фа диез

В звёздном небе для всех, кто там не был,

Хватит места, конечно, для всех.

Ночью тёмной, взглядишь в наше небо,

Помолчи про свой верный успех.

Спой любимые строчки из песен,

Что мы пели в свои вечера.

Расскажи не о тех, кто известен —

О безвестных, ушедших вчера.

И, как звезды летят, сам увидишь,

Зажигаясь от самых небес,

С плачем звуков, похожих на идиш,

Где мажор и минор в фа диез.

Наше небо, всегда оно с нами,

Покаяние видит и грех,

Кто есть кто, у кого между нами

Уготован по жизни успех?

Средь зимы, запорошенной снегом,

Хоть спроси у него, не спроси,

Скажет всё тебе звёздное небо,

Почему ты её не простил...

До весны... Потому что любил...

Еврейская пластиночка

Пластиночка знакомая
Хрипит еврейским голосом,
И старая игла шуршит в ночи.
А песня мне напомнила
Про молодость, про молодость,
Ей подпоём, а лучше покричим.
Сказать тебе мне нечего,
И вижу, что не хочется,
Но ради Бога, только не молчи.
Давай с тобою вечером,
Быть может, что-то вспомнится,
Со старой песней вместе покричим.
Пластиночка закрутится,
Закончится распутица,
Сыграют в свои трубы трубачи.
Быть может, хватит мучиться,
И что-нибудь получится,
Когда споём, а лучше покричим
Со старою пластиночкой.
Моя ты половиночка,
Хотя б словечко, тихо прошепчи.
Ведь песня нас окликнула,
О молодости всхлипнула,

Давай споём, а лучше покричим.

Танцующие хасиды

Аллилуйя, если строчки пробуждают

Что оставлю, что оставлю вам в наследство,
То, что прожил, то, что видел, что любил,
Те мечты, что начинались в раннем детстве,
Что другим оставить в жизни не забыл.

Оживу в листочках манускрипта,
Гончим Псом созвездий Млечного Пути,
Фараоном древнего Египта,
Иль правителем Лукум-Шалум-Сити.

Хоть прощанья и прощенья известны,
Радость встреч, возможно, впишешь в альманах.
На земле когда бывает слишком тесно,
Слово вдруг летает птицей в облаках.

Аллилуйя, если строчки пробуждают
Покаяния за нажиты грехи.
Будут помнить, будут жить, Господь лишь знает
Мои строчки, мои песни и стихи.

Оживу в листочках манускрипта,
Гончим Псом созвездий Млечного Пути,
Фараоном древнего Египта,

Если сможешь, если хочешь – навести.

Еврейско-русские страницы

Береги свои Обереги

Береги свои Обереги,
Как ручья лесного бережки
Ивняки, ракиты, родники
Сберегают до самой реки.
Словно зеркало вода ручья,
Афоризмы твоих детских снов,
Окропленная мечтами, без вранья,
Девственностью дальних родников.
Наклонись, и в зеркало взгляни,
Всё, что мучает, спроси себя,
Речка – это прожитые дни,
Настоящие – в воде ручья.
Зачерпни в ладонь водичку и попей,
Как лекарство, нужное тебе,
Без рецептов, без больничных дней,
От недугов, данных по судьбе.
Молча, посиди на бережку,
И в ручье зеркальной чистоты
Ты увидишь, как плывут в реку
Облаков туманные флоты.

С кем на встречу мчатся облака
В бесконечность моря, океан,
Унося с собой от родничка,
Чистоту его пушкиниан...
И пока ты веришь, что ручьи
В облаках летят, как поезда,
Будут лета светлыми твои,
Словно светлого ручья вода...
...Дождик вдруг закапал, прошептал:
«Выключи и спрячь мобильник свой...
Слышишь... Гром вблизи загрохотал...
Оставайся у ручья, с собой...»
Береги свои Обереги...

Родные голоса

Созвучия орловской стороны,
Из старины привет деревни дальней
Вдруг приплывут из чёрной глубины
И зазвучат их голоса печально.
Из прошлых лет, неся печальный сон,
Вдруг, разойдясь на голоса и лады,
Обируются, сливаясь в унисон,
В протяжных песнях светлую отрадой.
Напоминают что-то мне они,
Что не понять и сразу не упомнить,
Но слышу, слышу, что они сродни,
Что о родне земле моей напоминают.
В них оживут наш дом, орловский род
И над Окой дубравы золотые,
Где жаворонков утренний полёт
И голоса мне самые родные.

Я гуляю по памяти

Я гуляю по памяти,
Как по тонкому льду.
Словно нищий на паперти,
Подаяния жду.

Покаяньем из прошлого
Оживёт твой портрет.
Вроде сношено, брошено,
А кольнёт, как стилет.

Я гуляю по памяти,
Вижу словно в кино,
Как по свадебной скатерти
Разливалось вино.

И слова ржавой ссадиной
Потекли, словно кровь,
Поползли в душу гадиной,
Убивая любовь.

Я гуляю по памяти,
На цепи по кругу.
Словно шалые граффити,
Мою жизнь на бегу,
Спрыснув одеколончиком,
Опоили во сне,
Окропили баллончиком,

Не уснуть при луне.
Я гуляю по памяти,
На своём берегу.
Двери настежь, не заперты,
Даже злому врагу.
Что приходит непрошенный
Из моих дальних бед,
Лишь чуть-чуть запорошенный
Сединой моих лет...

Моё одиночество

Моё одиночество
Среди шумной жизни —
Главное высочество
В дорогой Отчизне.
Моё одиночество
Посреди тревоги,
Где бурьяном до чиста
Заросли дороги.
Моё одиночество,
Как беда случится,
Страшное пророчество —
Вкруг чужие лица.
Моё одиночество,
Во время падения,
Называть по отчеству
Странные явления.
Моё одиночество
В этой шумной жизни,
Рифмы власть – Высочество
Не в чужой Отчизне.

Не готов я пока

Не готов я пока умирать,
Не успел сделать множества дел
И пока не спешу на вокзал,
Чтобы выбрать маршрута предел.
Не готов я пока передать
То, что помню, что чувствую я,
Свою душу кому-то отдать
Ни за что, никого не виня.
Не готов на бегу домолчать,
Многих слов не готов говорить,
А другие устал повторять
И за них я прошу извинить.
Не готов я пока для тебя
Всё забыть и по новому жить,
Хоть по-прежнему слово любя
Не готов я стихом говорить.
Не готов я пока получать
До Конечной плацкартный билет,
И никто мне не сможет сказать,
Сколь отпущено Господом лет.

Европейских побед гусяры

В детстве был я, как все, пионером,
У костров, про «костры» распевал,
С пионерским отрядом шагал на пленэры,
Желатином холсты грунтовал.
Вырастал я во время полётов,
И космической эра звалась,
Но в приставке, с бобинами, «Нота»,
Почему-то всё лента рвалась.
На звучащие Галича песни
Мы умели подтекст подложить
И казалось всем, что интересней,
Сквозь глушилки, Свободу ловить.
Потрясала страну и Таганка,
Что Любимов мог там сотворить,
На Таганку, с друзьями, обманкой,
Без билетов учились ходить...
Где ж мои пионерские зорьки,
Комсомольских походов костры?
Барабанят Европы задворки,
Европейских побед гусяры.
В детстве был я, как все, пионером...

Не обо мне, казачьи песни

«Цикл песен о казачьих судьбах...

Кубанских, Луганских, Ростовских, Донецких...»

Под уздцы вести своих коней

Наша память словно перекасти поле,
Перепутаны поводья, стремяна,
И посредственно учились в средней школе,
Что не каждая нам помнится война.
Знать о прошлом всё, от слова и до слова,
Без вопросов, не давали мы обет.
Бег коней по полю – отзвуки былого,
Не озвучен в нашей памяти сюжет.
Мы коня не рисовали вороного,
Не вели его в поводьях ратных лет.
Что нам поле, что нам поле Куликово?
Кто нам воин, кто нам воин Пересвет?
Сколько в поле боли, сколько крови,
Сколько плача от не прошенных копыт,
От кнутов и стоны девушек в неволе,
С пентатоникой гортанною, навзрыд.
Поле жгли кострами смерти злые стрелы,

Полыхала, словно птица, вся земля,
Посреди огня поклоны ошалело
Отдавали все головки ковыля.
Как пустоты в нашей памяти заполнить,
Чтоб веков прошедших не терялся след,
Поле славы Куликово вспомнить,
И в строю остался воин Пересвет?
Чтоб летели, словно ветры, наши кони,
По степи, навстречу клину журавлей.
Светлой памятью был каждый удостоен,
Вечной славы Куликовских ковылей.
Причаститься где, отмыться как на воле
От экранных, белокаменных огней?..
Может, в чистом Куликовом поле.

Городские сумашедшие

Там, где калики ходили перехожие,
Где паслись и дики вепри, и туры,
Танцевали ворожеи придорожные,
Разжигая приворотные костры.
А вокруг скопилось столько нечисти,
Ни проехать мимо них и ни пройти.
Отдавай врагам кошель и разны почести,
Чтоб живым из леса ноги унести.
Там, где калики ходили перехожие,

У тепла костров согреться до утра,
Нынче ходят равнодушные прохожие
И другая подзаборная мура.
Держат души ворожеи не ушедшие
Под прицелом иль под страхом топора,
Но не модны городские сумасшедшие,
Лишь в войну играет наша детвора.

Донецкий распев. Полюбила москаля

Не забыть мне, не забыть тебя, Алёшка,
Как с тобою, под гармошку, пел Донец,
Как играла для меня твоя гармошка,
Белый танец, миг свидания сердец.
На мостках мы посидели на дорожку,
Сберегая в ночь разлуки тишину,
«Я оставлю, — ты сказал, — свою гармошку,
Без тебя, играть не будет на Дону».
В небе чистом клин курлычет журавлиный.
Тихо шепчут серебристы тополя:
«Полюбила, полюбила, полюбила,
Полюбила ты донского москаля,
На беду свою ты, Ксюша, полюбила,
Полюбила, полюбила москаля.
А под утро написал мне на песочке:
«Мы навек с тобою связаны судьбой!»

Ожидай, сказал на зорьке нашей ночки,
Сватовья приедут с Дона за тобой.
Сколько писем безответных я, Алёшка,
Посылала на донскую сторону,
Не дошли, наверно, и твоя гармошка,
Одиноко, слышу, плачет на Дону.
Ты скажи, Алёша, мой дружок хороший,
Хоть словечко мне, хотя бы и во сне,
Когда кончатся военные пороши,
Когда свидимся с тобой, не на войне.
Заплету я, опущу в Донец веночек,
Пусть плывёт на Дон веночек в два кольца,
В нём записка: «Как родится наш сыночек,
Назовём его Алёшкой, в честь отца».
У окошка я, обняв твою гармошку,
Слышу музыку седого скрипаля.
Плачет скрипка про коханого Алёшку,
Про коханую гармошку москаля...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.